



Наталья Доманчук
Я НЕ
ИЗМЕНЯЮ
ЖЕНЕ!

Наталия Доманчук

Я не изменяю жене

<https://litres.ru/74616944>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Мне муж изменил! — рыдает красавица в лифте. — Я немедленно разведусь с ним!

— Разумно, — я протягиваю визитку. — Если имущество нажито в браке, мы разденем его до носков.

Я семейный адвокат. За этот год я потеряла мужа и трёх подруг, зато поняла главное: верных мужчин не бывает.

Миллиардер Кайгородов не исключение. Вычислить его любовницу — всего лишь дело техники, в этом я уверена.

— Найдёте доказательства измены — жена получит всё, — говорит он на первой же встрече.

Теперь у меня есть месяц, чтобы соблазнить чужого мужа и выиграть дело. У него — месяц, чтобы устоять и доказать, что верные мужчины всё-таки существуют.

Наталия Доманчук

Я не изменяю жене

Глава 1

Вероника

Моя жизнь, до этого вполне приличная и даже местами завидная, катится кобыле под хвост. Именно кобыле, потому что то, о чём мы говорим обычно, не способно вместить столько неприятностей одновременно.

Сначала я узнаю об измене мужа, и мы разводимся. Потом, в течение полугода, я остаюсь без лучших подруг, с которыми дружила со школы. И вот к тридцати трём годам я приобретаю свободу, новый автомобиль, квартиру, которую терпеть не могу, и твёрдое убеждение, что близкие люди отличаются от посторонних только объёмом информации, которой однажды смогут воспользоваться против тебя.

Да, еще у меня есть работа. Она не утешает, не обнимает и не обещает, что всё непременно наладится, зато требует, чтобы я вставала по утрам, красила ресницы, надевала костюм и в целом выглядела человеком, которому можно доверить раздел имущества стоимостью в несколько миллиардов. Иногда этого вполне достаточно, чтобы не развалиться, хотя бы на день.

Сегодня суббота, но я всё равно еду в офис. Дома меня ждёт только любимая кошка Дурилка, а на работе — дело

Воскресенских, где супруги делят сеть стоматологических клиник, загородный дом и пожилого мопса. Судя по количеству заявленных ходатайств, мопс представляет для обоих наибольшую ценность.

Я оставляю машину на почти пустой парковке и ещё несколько секунд люблю её через плечо. Чёрный «Порше» появился у меня сразу после развода и обходится неприлично дорого, зато ни разу не соврал, где провёл ночь, и всегда предупреждает, когда ему требуется обслуживание.

В холле тихо. Охранник за стойкой поднимает голову, узнаёт меня и кивает. Я прохожу к лифту, нажимаю кнопку десятого этажа и успеваю открыть на телефоне материалы по делу Воскресенских, когда краем глаза вижу какой-то невероятный силуэт, что можно встретить только на красных дорожках при правильном ракурсе.

— Подождите, пожалуйста!

Между сходящимися дверями появляется тонкая женская ладонь. Створки снова расходятся, и в кабину почти вбегает высокая светловолосая девушка в расстёгнутом кашемировом пальто. В одной руке у неё дорогая кожаная папка, в другой — телефон, который продолжает вибрировать. Она сбрасывает вызов и торопливо нажимает кнопку двенадцатого этажа.

— Простите, что задержала вас, — она смотрит на меня с сочувствием.

— На целых четыре секунды. Постараюсь пережить, —

успокаиваю я ее.

Она кивает, отворачивается и смотрит на своё отражение в зеркальной стене. Ей около тридцати, она красива и движется с удивительно освоенной грацией, но явно очень расстроена: тушь под глазами размазана, нижняя губа дрожит, а на щеке остался влажный след, который она поспешно стирает пальцами.

Я отвожу взгляд. После развода у меня появилось несколько полезных правил: не выяснять, почему муж внезапно поставил пароль на телефон. Не верить подруге, которая говорит, что не хочет занимать ничью сторону. Никого не спрашивать, отчего они плачут.

Последнее правило держится примерно до третьего этажа.
— На двенадцатом жилые апартаменты или тоже офисы?
— спрашиваю я. — Три года работаю в этом здании и ни разу не была наверху.

Она вздрагивает.

— Пентхаус. Там живёт моя подруга.

— Понятно.

Ничего мне не понятно, но продолжать разговор я уже точно не собираюсь. Мой офис находится на десятом, следовательно, терпеть чужое горе остаётся меньше тридцати секунд.

Телефон в руке незнакомки снова начинает звонить. На экране появляется мужское имя, однако она так резко переворачивает его, что я успеваю заметить только первую букву.

Что-то на «С».

Девушка переводит взгляд на меня, и слёзы, которые ей до сих пор удавалось удерживать, всё-таки срываются.

— Мне... муж изменил! – голос её страшно дрожит. – Представляете?

Ну вот! Зачем я заговорила с ней? Чтобы снова услышать то же: что все мужчины изменяют женщинам?

— Какая неожиданность, — вырывается у меня. — Простите. Это не о вашем муже, а о мужьях как биологическом виде.

Девушка шмыгает носом и отворачивается к зеркальной стене.

— Простите. Я, конечно, не должна была говорить это совершенно незнакомому человеку. Просто только полчаса назад я сама увидела его в отеле с другой женщиной, — она вытирает тыльной стороной ладони слезы, при этом рука заметно трясется, и преувеличенно решительно заявляет: — Я не собираюсь этого терпеть. Этот ужас, этот позор. Разведусь с ним!

Ответ звучит слишком быстро, но после собственного развода я перестала считать такую решительность недостатком.

— Разумное решение. Некоторые мужчины гораздо приятнее выглядят в исковом заявлении, чем в семейной жизни. Что ж, тогда вам нужен адвокат. Хороший. Плохой просто оставит вас без мужа, хороший постарается, чтобы это была

единственная потеря.

— Поэтому я и приехала сюда. Подруга сказала, в этом же здании есть хорошая юридическая фирма.

— На десятом этаже их три, — докладываю я. — Две фирмы разводят супругов, третья — клиентов на деньги, поэтому внимательно смотрите на таблички.

— А вы откуда знаете?

Двери лифта открываются.

— Потому что одна из них моя.

Она удивленно смотрит на меня:

— Вы адвокат?

— Семейный.

Девушка хлопает мокрыми ресницами и тихо сдавленно произносит:

— Можно попросить вашу визитку?

— Можно.

Я выхожу из лифта, достаю визитницу и протягиваю ей карточку, пока двери не закрываются.

— У нас нет брачного договора, — тараторя, начинает вводить меня в курс дела незнакомка, зажимая кнопку. — Мы женаты пять лет. Когда мы познакомились, у него практически ничего не было, а теперь...

Она замолкает, словно впервые стыдится не слёз, а размера состояния собственного мужа.

— Теперь есть что делить? — плавно заканчиваю я.

— Очень много.

— Тогда не переживайте. Мужа мы вам оставлять не станем, а всё остальное аккуратно поделим.

Двери всё-таки начинают закрываться, однако в последний момент она придерживает их ладонью, и, когда они снова открываются становится между створок. Кажется, это надежнее, чем кнопка.

Я заставляю себя не вздыхать.

— Меня зовут Алиса, – представляется она.

— Меня – Вероника Львовна Рябинина. Позвоните секретарю в понедельник.

— Спасибо, – кивает она, но тут же с её губ слетает вопрос: – А если у меня нет доказательств его измены?

— Для развода они вам не нужны.

— И я смогу получить половину того, что мы нажили?

— Если имущество приобретено в браке — да. Разденем его строго в пределах закона и оставим в одних носках.

Алиса кивает, но двери не отпускает, думает.

— Позвоните в понедельник, — повторяю я уже мягче.
— Разберёмся.

Девушка снова заходит в кабину, двери, наконец, закрываются, и лифт увозит ее наверх.

Я захожу в офис, включаю компьютер и открываю дело Воскресенских. На экране появляется фотография пожилого мопса, но думаю я почему-то о незнакомом мужчине, который ещё не знает, что его жена только что встретила в лифте очень хорошего адвоката.

Суббота у него определённо не задалась, учитывая ещё и то, что произошло полчаса назад. Видел ли он жену, которая видела его, ещё неизвестно, но уж об остальном он точно пока не знает.

Глава 2

Роман

Если мужчина в субботу в семь утра надевает костюм, его жена вправе предположить одно из двух: либо компания стоит на пороге сделки века, либо муж завёл женщину, ради которой готов добровольно просыпаться раньше будильника.

В моём случае верны оба предположения, за исключением небольшой детали: эта женщина действительно существует, но она – мой компаньон.

— Ты надолго? — спрашивает Алиса, когда я застёгиваю часы.

Она лежит на своей половине кровати и наблюдает за мной. Лицо у неё при этом, хотя ещё только утро, кислое. Я правда пытался придумать другое прилагательное, но «кислое» подходит идеально: жена уже недовольна, но пока предоставляет мне возможность самостоятельно догадаться, чем именно.

— До обеда точно не вернусь.

— И это в субботу... — закатывает глаза Алиса.

— Ну, у инвесторов не бывает выходных.

— Зато у жён бывают мужья. Иногда даже по субботам.

Я подхожу к кровати и наклоняюсь, чтобы поцеловать её, но Алиса отворачивает лицо, и мои губы ловят местечко где-то между виском и волосами. Жест неприятный, хотя давно не новый. В последние месяцы всё чаще получается так – мы не ссоримся, а аккуратно уклоняемся друг от друга, сохраняя внешнее приличие и безопасное расстояние.

— Освобожусь — позвоню, — обещаю я, словно всё в порядке.

— Не стоит. У меня тоже есть дела.

— Какие?

Пауза крохотная, но невозможно многозначительная.

— Теперь заинтересовался?

Она встаёт и проходит в гардеробную, не дожидаясь ответа. Вопрос звучит так, словно является продолжением разговора, о начале которого меня снова забыли предупредить.

Я задерживаюсь в спальне ещё на несколько секунд, однако следовать за ней и выяснять отношения у меня нет ни времени, ни желания. В восемь утра я должен встретиться с Мариной в ресторане «Гранд Паласа», в десять к нам присоединятся представители фонда, прилетевшие ночным рейсом из Дубая, а к понедельнику мы обязаны решить, продаём ли тридцать процентов компании или продолжаем изображать людей, которым совсем не нужны чужие четыреста миллионов долларов.

Шесть лет назад мы с Мариной сидели в комнатухе об-

щей площадью двадцать три квадратных метра, писали код на трёх старых ноутбуках и считали значительным успехом, если к концу месяца хватало денег на зарплату пятерым сотрудникам. Теперь наша платформа управляет ценообразованием, рекламой и товарными остатками крупных интернет-магазинов, а журналисты называют нас технологическим прорывом, хотя ещё четыре года назад те же люди советовали мне перестать играть в программиста и найти, наконец, нормальную работу.

Приложение выстрелило внезапно, как обычно и бывает со всем, чему предшествуют годы, когда никто не замечает твоих усилий. Сначала к системе подключилась одна сеть федерального масштаба, потом два маркетплейса, затем алгоритм научился прогнозировать спрос точнее живых аналитиков, и в какой-то момент компания стала зарабатывать за день больше, чем я когда-то надеялся получить за год.

Вместе с деньгами появились инвесторы, международные контракты, люди с должностями из четырёх английских слов – и необходимость проводить субботнее утро в отеле рядом с женщиной, которую моя жена терпеть не может.

Официально Алиса и Марина встречались трижды. Неофициально им хватило первого знакомства, чтобы определить друг друга в категорию людей, исчезновение которых заметно улучшило бы мир.

Поэтому я изо всех сил стараюсь не вздыхать, когда выхожу из квартиры и вызываю лифт.

— Рома, — окликает меня Алиса.

Она стоит в коридоре, уже одетая, хотя минуту назад собиралась вернуться в постель.

— Что?

Она окидывает меня взглядом так, словно уже получила при этом ответ, и произносит:

— Ничего. Удачной встречи.

Я киваю и ухожу, потому что в браке нельзя придавать значение каждому странному взгляду, не то может случиться, что времени на сам брак уже не остаётся.

Марина ждёт меня у окна ресторанный зала. Перед ней лежат ноутбук, две папки и телефон, а рядом стоит чашка, и могу поспорить, что уже пустая. Марина пьёт кофе, как верблюд воду, когда она у него в доступности. В изобилии и будто бы про запас.

Марина красивая, и люди, не знающие её, обычно сначала замечают светлые волосы, длинные ноги и платье, слишком хорошо сидящее для делового завтрака. А потом Марина начинает говорить, и минут через десять окружающие перестают думать о её ногах, потому что пытаются понять, каким образом она успела обнаружить все слабые места в их предложении, не получив ещё даже доступа к исчерпывающей информации.

— Ты опоздал на семь минут, — сообщает она вместо приветствия.

— Доброе утро.

— Оно станет добрым, когда ты прочитаешь новый проект соглашения и будет что обсудить.

Я сажусь напротив, и она подвигает ко мне папку. Я открываю документ, бегло просматриваю первую страницу и понимаю, почему Марина назначила встречу до переговоров, а не после. Фонд изменил условия опциона, добавил ограничения для основателей и предусмотрительно оставил нам право управлять компанией ровно до тех пор, пока мы согласны со всеми их решениями.

— Это не инвестиционное соглашение, — говорю я. — Это какая-то... добровольная передача органов при жизни.

— Именно поэтому я заказала тебе завтрак. На голодный желудок ты становишься несговорчивым.

— Ну, на сытый я, допустим, становлюсь несговорчивым медленнее.

Марина улыбается и закрывает ноутбук.

С ней легко. Тут мне не приходится объяснять, почему я работаю столько, сколько работаю. Марина была со мной, когда мы закладывали квартиру её матери, чтобы заплатить разработчикам, сама летала в Новосибирск уговаривать первого крупного клиента и однажды продала пилотную версию продукта, которая на тот момент существовала главным образом в наших обещаниях.

Она знает цену компании не по последней оценке фонда. Компания однажды — и довольно долго — стоила нам всего, что у нас было.

— Алиса опять недовольна? — спрашивает Марина.

— С чего ты взяла?

— Ты уже дважды посмотрел на телефон, хотя оттуда никаких сигналов.

Я переворачиваю аппарат экраном вниз.

— Она считает, что я слишком много работаю.

Марина кивает без всякого сарказма.

— Она права.

— Спасибо за поддержку.

— Я могу поддержать тебя в заблуждении, но долю за это не отдам.

Официант приносит завтрак. Марина забирает мою чашку, делает глоток и морщится.

— Без сахара. Как ты это пьёшь?

— Ртом. Мы разработали этот способ ещё до первого раунда инвестиций.

Она возвращает чашку, но я не беру её сразу. Несколько секунд наши пальцы остаются на фарфоровой ручке, и Марина смотрит на меня поверх чашки слишком внимательно, чтобы это можно было объяснить обсуждением документов.

Так уже случалось. Не поцелуй, не признание и даже не флирт, за который можно привлечь к семейной ответственности, а короткие паузы, смысл которых обе стороны предпочитают не уточнять. За шесть лет мы научились вовремя отводить глаза, менять тему и сохранять компанию от осложнений, способных обойтись дороже неудачного инвестици-

онного соглашения.

Нет более ненадёжной почвы, чем отношения ближе дружеских. И мы оба слишком ценим то, что имеем теперь, чтобы перекладывать фундамент.

Я забираю чашку.

— Почему ты согласилась на встречу именно здесь? — спрашиваю я. — Их представитель мог приехать к нам.

— Потому что они улетают днём и ресторан выбрали они, а не я. Если честно, я устала от упреков твоей жены. Алиса вообще считает, что любая женщина рядом с тобой только и ждёт, когда она отвернётся.

— А ты не ждёшь?

Вопрос вырывается раньше, чем я успеваю решить, хочу ли услышать ответ.

Марина медленно откидывается на спинку кресла.

— Я уже шесть лет жду, когда ты перестанешь задавать вопросы, последствия которых не готов обсуждать.

Телефон на столе начинает вибрировать. Я смотрю на экран, хотя имя звонящего мне заранее известно: представитель фонда сообщает, что они спускаются.

Марина снова открывает ноутбук, и через минуту к столу подходят трое мужчин. Дальше мы говорим только о мультипликаторах, праве голоса, совете директоров и будущем компании. Когда переговоры заканчиваются, стрелки часов приближаются к половине двенадцатого.

От Алисы нет ни одного сообщения. Я звоню сам, но она

не отвечает.

Глава 3

Роман

Домой я возвращаюсь около часа и сразу замечаю стоящий в прихожей чемодан. Не тот огромный, что мы берём в отпуск, а небольшой, на несколько дней. Значит, происходящее можно считать серьёзным, но пока не окончательным. У женщины, решившей уйти навсегда, багажа обычно гораздо больше, особенно если половина гардеробной принадлежит ей даже по результатам самой приблизительной оценки.

Алиса выходит из гостиной. На ней всё то же светлое пальто, в котором она была утром, только теперь оно застёгнуто, а в руках зажата кожаная папка.

— Ты куда-то собираешься? — спрашиваю я.

— К Лене.

— Надолго?

— Не знаю.

— Что произошло?

Она смотрит мне в лицо, затем переводит взгляд на воротник рубашки. Я машинально провожу по нему пальцами и успеваю почему-то подумать, не оставила ли Марина след помады, хотя она ко мне даже не прикасалась. По крайней мере, при мне.

— Как прошла встреча? — спрашивает Алиса таким тоном, будто её это действительно интересует.

— Нормально.

— Инвесторы согласились на ваши условия?

— Пока нет. Вернее, там дело тоньше.

— А Марина?

Я молчу всего секунду, но Алисе хватает и этого. Заметив, каким обиженным и напряженным становится её лицо, я поднимаю бровь:

— Ты следила за мной?

Она проходит в гостиную. Я иду следом, пытаюсь понять, откуда в её голосе взялась эта холодная уверенность.

— Не льсти себе. Для слежки нужны талант, терпение и тёмные очки, а мне хватило обычного такси.

— Ты приехала в отель?

— Да.

Теперь становится понятен её утренний взгляд, и не только он.

— Так чего же не подошла?

— Не хотела мешать. Ты был очень занят.

— Так и есть, мы обсуждали сделку.

— Да, я видела.

— Тогда в чём проблема?

Алиса усмехается, кладёт папку на стол и застегивает пальто.

— В том, что ты ни разу не посмотрел на часы. Ты слушал её, смеялся, отложил телефон и даже не заметил, как она пила из твоей чашки.

— Это доказывает только отсутствие у Марины элементарных представлений о личной посуде. И постоянную жажду кофеина.

— Она красивая женщина, Рома, а не бездомный голубь. Не надо делать вид, что она случайно что-то там клюнула.

Я меняю позу, прислоняясь плечом к стене, вместе с ней неувовимо меняется интонация.

— Хорошо. Она выпила мой кофе, и я не вызвал полицию. Возможно, именно на этом месте наш брак и утратил правовую защиту. В остальном всё так, как я сказал: мы работали.

— В субботу? В ресторане отеля? Вдвоём?

— Через два часа к нам спустились инвесторы, которые в этом отеле остановились. Алиса, ты ведь видела их?

— Нет, я уехала. Не хотела видеть, как вы, позавтракав, поднялись в номер.

Я закатываю глаза:

— Если бы мне нужна была Марина, я бы сразу женился на ней, а не на тебе.

— А зачем? Так бы у тебя была одна Марина, а так еще и я. Ромочка любит разнообразие, да?

— Какой бред ты говоришь... — только и нахожусь, что ответить я.

И вдруг замечаю, что в глазах жены нет ни слёз, ни привычной обиды. Тут дело в чём-то другом.

Но додумать не успеваю, потому что в ту же минуту она стреляет в меня вопросом:

— Объясни, почему с ней ты такой?

— Какой? – ещё больше озадачиваюсь я.

— Живой.

Я открываю рот, но ответа не нахожу, а Алиса кивает, словно именно это и ожидала увидеть.

— Ты вернулся домой, Рома, и даже не спросил, как я себя чувствую.

— Потому что в прихожей стоит чемодан. Он немного отвлекает от того, чего действительно хочется.

Но Алиса качает головой, и снова серьёзно, вовсе не играючи.

— Ты сейчас опять всё превратишь в шутку, потом спокойно объяснишь, что Марина не твоя бывшая, не твоя настоящая, а твой партнёр. Опять расскажешь, что инвесторы живут в этом отеле, а пятиминутное прикосновение к её руке было частью сложной системы корпоративного управления.

— Какое ещё прикосновение?

— Неважно.

— Нет, теперь как раз важно. Я к ней не прикасался.

— Конечно. А я сегодня смотрела на вас и поняла, что дело вообще не в Марине. Ты можешь не спать с ней, можешь даже ни разу её не поцеловать, но по тебе буквально видно, что рядом с ней ты находишься там, где хочешь быть. А домой возвращаешься потому, что здесь твоя одежда, зарядка и женщина, на которой ты когда-то женился.

— Это же неправда.

— Ну ладно, давай так. Когда мы в последний раз проводили вместе хотя бы один день?

Я чувствую некоторое облегчение — на это есть ответ.

— Мы были в Риме в мае.

— И ты провёл половину поездки на переговорах.

Я отрываюсь от стены и развожу руками.

— У нас сорвался контракт.

— У нас, — она очень уж странным голосом выделяет это слово, — тоже всё сорвалось, только ты не заметил.

Я отхожу к окну, потому что разговор внезапно становится опаснее утренней встречи с фондом. Там от меня требовали долю в компании, а Алиса, кажется, собирается предъявить счёт сразу за последние пять лет.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю, наконец, я.

— Развода.

Она произносит это без паузы.

— Из-за одного завтрака?

— Из-за пяти лет, за которые мы стали абсолютно чужими людьми. Детей у нас нет, дома тебя почти и не видно, а когда ты всё-таки возвращаешься, мы разговариваем о счетах, ремонте и том, во сколько ты завтра уедешь. Я устала жить рядом с мужчиной, который откладывает всё важное на потом, будто у нас впереди ещё несколько запасных жизней.

— Мы пытались завести ребёнка.

— Нет. Я пыталась, а ты оплачивал врачей.

Я резко поворачиваюсь.

— Это несправедливо.

— Зато честно. Ты переводил деньги, приезжал на обследования, когда секретарь находила свободное окно, и каждый раз - каждый раз, Рома! - говорил, что в следующем месяце работы станет меньше. Потом ваша программа выстрелила, появился первый инвестор, второй, третий, а нашего следующего месяца так и не случилось.

Голос её истончается, сходит на нет, хотя только что она была удивительно спокойна.

— И ты решила, что сегодня подходящий момент для развода?

— Просто сегодня я, наконец, поняла, что ничего не изменится. Встречайся с Мариной сколько хочешь, завтракай с ней хоть каждое утро и обсуждай свои миллиарды до глубокой старости. Только уже не будучи моим мужем.

Она направляется в прихожую, а я ещё несколько секунд остаюсь на месте в странной раздвоенности. Часть меня хочет остановить её, потребовать нормального разговора, доказать, что один завтрак не даёт права перечеркнуть пять лет. Другая слишком хорошо понимает: чемодан был собран даже раньше, чем Алиса увидела Марину.

Я догоняю её у двери.

— Ты давно решила уйти?

Она дёргает плечом, и с мягкого пальто съезжает сумка.

— Мне надоело быть единственной женщиной, которой ты объясняешь, почему у тебя нет на неё времени.

— Это не ответ.

— Другого не будет. Я уже нашла адвоката, в понедельник подам на развод.

— Ты ведь понимаешь, что половина компании тебе не принадлежит? — резко выкрикиваю я.

Она замирает, и я сразу жалею, что произнёс это именно сейчас. Мы ещё не успели толком обсудить, нельзя ли всё оставить как есть, а я уже заговорил о разделе имущества, словно подтверждая каждое её обвинение.

— Я пока ещё ничего у тебя не просила, — холодно произносит она. — Но это пока. Теперь этим займутся люди, которым ты сможешь объяснить, что все твои миллиарды появились исключительно благодаря личному таланту, а жена в течение пяти лет просто портила интерьер.

Глава 4

Роман

— Я ничего у тебя не просила, — холодно произносит Алиса. — Но это пока. Теперь этим займутся люди, которым ты сможешь объяснить, что все твои миллиарды появились исключительно благодаря личному таланту, а жена в течение пяти лет просто портила интерьер.

Она берётся за ручку чемодана, и только теперь я окончательно понимаю, что всё происходящее не имеет никакого отношения к женской обиде, случайно увиденной сце-

не и испорченному завтраку. Алиса не собирается хлопнуть дверью, два часа поплакать у подруги, а к вечеру написать, что нам нужно спокойно поговорить. Она уходит всерьёз, и моя нечаянно и некстати выскочившая фраза о компании не остановила её, а лишь помогла сделать последний шаг.

— Куда ты поедешь?

— К Лене, я уже сказала.

— На сколько?

— Не знаю.

— Прекрасно. Значит, ты уже всё решила, собрала вещи, нашла адвоката, договорилась с подругой и только меня забыла поставить в известность, - парирую я.

— Я поставила тебя в известность десять минут назад.

— Ты объявила мне приговор.

— Не преувеличивай. Развод — не смертная казнь, хотя твоим юристам наверняка удастся затянуть его до естественной смерти одной из сторон.

Она открывает дверь, но я удерживаю её, не позволяя супруге просто взять и выйти. Алиса смотрит на мою руку, затем поднимает глаза, и в них нет ни страха, ни надежды на то, что я сейчас, наконец, произнесу правильные слова. Только усталость женщины, которую задерживают там, откуда она давно собиралась уйти.

От этого я чувствую какой-то странный холод, будто бы в самом воздухе.

— Останься, — говорю я. — Мы оба сейчас говорим ве-

щи, о которых потом пожалею.

— Я пожалею только о том, что не ушла раньше.

— Ты действительно готова разрушить семью из-за подозрений? К Марине? Алис...

— Рома, семью нельзя разрушить, если от неё остался один общий адрес.

Эта её фраза мне кажется совершенно неуместной, и я возражаю:

— У нас не было плохого брака.

— Это у тебя не было плохого брака. Немного разные вещи, согласишься?

То, как она всё это произносит, задевает сильнее обвинений. Я обеспечивал нас, никогда не запрещал ей тратить деньги, не устраивал сцен, не проверял телефон, не исчезал на несколько дней без объяснений. Среди мужчин моего круга подобный набор качеств давно считается почти безупречной семейной репутацией, и мне до сих пор трудно понять, почему Алиса смотрит на него как на перечень минимальных санитарных требований.

— И что именно было таким ужасным? — решаю я уточнить, не отпуская руки. — Дом, поездки, возможность не думать о деньгах?

— Отсутствие рядом мужа.

— Я работал.

— Ты всегда работаешь, когда не хочешь отвечать.

— На что я не хотел отвечать?

— На вопрос, нужен ли тебе вообще этот брак. Нужна ли я. Хотел ли ты когда-нибудь ребёнка или просто боялся сказать мне правду.

Вон оно что.

— Мы договаривались вернуться к этому позже.

— Нет, Рома. Ты назначал новое «позже», а я соглашалась, потому что любила тебя и не хотела становиться ещё одной проблемой в твоём расписании.

Я отпускаю дверь. Алиса выкатывает чемодан на лестничную площадку, но сама остаётся на пороге.

— Карта у тебя работает, — говорю я. — Если понадобятся деньги...

— Вот теперь я точно спокойна. Мужа у меня больше нет, зато карта пока действует.

— Я пытаюсь помочь.

— Именно это ты всегда и делаешь. Помогаешь деньгами там, где от тебя требуется что-нибудь другое.

Она выходит, и я успеваю спросить:

— Ты вернёшься?

Алиса оборачивается. Несколько секунд она смотрит на меня так внимательно, словно решает, заслуживаю ли я хотя бы честного ответа.

— Да. За остальными вещами.

Алиса делает резкое, дёрганое движение, вызывает лифт и исчезает из моей жизни с той же аккуратностью, с какой всегда закрывала за собой шкафы.

Я возвращаюсь в гостиную и впервые замечаю, насколько в доме тихо. Нет, Алиса обычно не шумела. Наоборот, она умела находиться рядом так, чтобы не мешать мне работать, говорить по телефону, читать документы и, черт возьми, мысленно отсутствовать даже тогда, когда физически я сидел напротив.

За пять лет она довела это искусство почти до совершенства, а я принимал его за семейный покой.

На столе остаются две чашки. Я машинально отношу их на кухню и только там понимаю, что совершаю действие, которого не делал, наверное, с момента нашей свадьбы. В этом доме чашки исчезали сами, рубашки возвращались чистыми, продукты появлялись в холодильнике, а нужные подарки родственникам и друзьям покупались ещё до того, как я вспоминал об их днях рождения. Я понятия не имел, сколько незаметной работы стоило Алисе сохранять мою жизнь удобной.

Это открытие только усиливает раздражение.

Мне хочется позвонить ей и потребовать вернуться. Не просить, а именно потребовать, потому что просьба поставит меня в положение человека, которому могут отказать. Я открываю наш чат, печатаю: «Мы не закончили разговор», но отправлять не спешу.

Она знает, что не закончили. Поэтому и ушла.

Вместо Алисы я звоню Марине. Она отвечает после первого гудка.

— Что-то случилось?

Марина никогда не говорит «привет», если я звоню. Для неё мой звонок сам по себе означает, что произошло нечто, требующее немедленного вмешательства.

— Почему обязательно должно что-то случиться? — сначала возмущаюсь я, но тут же признаюсь: — Алиса ушла.

Марина молчит чуть дольше, чем требуется для обычного сочувствия. Я слышу какой-то глухой шум, затем хлопает дверь, и понимаю, что она вышла из комнаты, чтобы продолжить разговор без свидетелей.

— Куда ушла?

Вопрос, как обычно, по делу.

— К подруге. С чемоданом.

— Из-за того, что мы встречались именно в отеле? — выдвигает мой компаньон свой вывод.

— Алиса решила, что у нас роман, — выдыхаю я.

— А ты объяснил, что его нет?

— Конечно.

— Она поверила?

— Какая теперь разница? Она говорит, что дело не в тебе.

Полсекунды молчания. Кажется, даже не для того, чтобы обдумать, что сказать, а чтобы до меня вернее дошло.

— Значит, скорее всего, дело действительно не во мне.

Мне совсем не нравится, как быстро Марина принимает сторону Алисы. Женская солидарность всегда казалась мне странной конструкцией, особенно когда одна из женщин по-

дозревает вторую в связи с собственным мужем.

— Ты могла бы хотя бы сделать вид, что удивлена.

— Я и удивлена. Просто не тому, что Алиса ушла, а тому, что ты этого не ожидал.

И голос при этом совсем другой. Что это ещё за назидания?

— Ах, я еще и должен был ожидать? - возмущаюсь я.

— Ром, я не семейный психолог.

— Вот и не надо им становиться.

Я всё-таки говорю резче, чем собирался, но Марина не обижается. Она вообще умеет принимать мой дурной характер без попытки немедленно перевоспитать меня, и, очевидно, не в малой степени именно поэтому последние шесть лет остаётся единственным человеком, с которым я способен работать в качестве компаньона.

Марину я знаю со времён, когда только основал компанию, тогда еще инвесторы не отвечали на письма, а вместо финансового директора у нас была таблица, которую никто не умел правильно заполнять. Она пришла на собеседование в дешёвом, мнущемся сером костюме и за двадцать минут объяснила, почему наша бизнес-модель не выдержит первой же проверки. Я предложил ей работу из желания доказать, что она ошибается. Через год выяснилось, что ошибался я, но к тому времени Марина уже переделала модель и спасла нас от банкротства.

Она всегда оставалась рядом. Во время первых провалов,

первых серьёзных денег, двух обысков, одного рейдерского захвата и моей свадьбы с Алисой.

Особенно хорошо я помню свадьбу.

Марина пришла тогда одна, поздравила нас, выпила за счастье молодых и уехала, не дожидаясь торта. На следующий день в офисе она положила передо мной документы по сделке и ни разу не спросила, счастлив ли я.

Уже тогда я знал, что на самом деле она меня любит.

Не подозревал и не догадывался, а именно знал, хотя Марина никогда не давала мне права произнести это вслух. У любви, которую тщательно скрывают, слишком много мелких свидетельств: помнить, какие таблетки человек принимает от головы, узнавать его шаги в коридоре, отменять собственные планы, если ему вдруг понадобилась встреча, и никогда, никогда не смотреть на его жену дольше, чем требует банальная вежливость.

Я замечал всё это и ничего не делал.

Я не любил Марину и при этом боялся разрушить дружбу. Я никогда её не любил. Ценил, уважал, доверял настолько, насколько вообще способен доверять другому человеку, но не представлял рядом с собой вне офиса. Марина принадлежала той части моей жизни, где всё подчинялось понятным правилам: задача, срок, результат. Алиса же существовала в другой, где от меня ждали слов, присутствия и чувств, не имеющих ни графика, ни измеримой пользы.

С Мариной, в общем-то, было гораздо проще. Возможно,

потому, что она ничего не просила.

Теперь я впервые допускаю неприятную мысль: не просила она именно потому, что заранее знала ответ.

— Я перезвоню, — говорю я.

— Не надо мне названивать. Поезжай за женой.

— Какой смысл? Она не хочет меня видеть.

Я буквально по голосу слышу, как она поджимает губы.

— Я уверена, что ты даже не попытался это проверить.

А потом задаю абсолютно необходимый, как мне кажется, вопрос.

— Ты ведь понимаешь, что, если Алиса уйдёт, между нами всё равно ничего не изменится?

Тишина длится всего несколько секунд, но за это время я успеваю пожалеть о сказанном. Даже не потому, что это неправда, а потому, что правду тоже можно произнести так, чтобы она превратилась в оскорбление.

— Понимаю, — спокойно отвечает Марина. — Именно поэтому советую тебе не сидеть дома и не звонить женщине, которая тебя любит, только потому, что жена уехала с чемоданом.

Она отключается первой.

Глава 5

Роман

Я остаюсь с телефоном в руке и думаю, что за один час

умудрился потерять расположение сразу двух женщин. В моей системе координат подобный результат выглядит особенно несправедливым.

Ехать к Лене я не собираюсь. Даже если Алиса там, появление мужа у дверей подружки превратит наш разговор в представление для чужого человека. К тому же я не знаю адреса. Лена переехала прошлой осенью, Алиса несколько раз что-то рассказывала про её новую квартиру, жаловалась на дороговизну обоев, портьер и вообще всего и показывала фотографии кухни, но адреса я не запомнил.

Я поднимаюсь в спальню. На первый взгляд здесь ничего не изменилось: её плед лежит на кресле, на туалетном столике стоят флаконы, в ванной висит халат. Только створка гардероба приоткрыта, и за ней обнаруживается пустота шириной примерно в полметра. Алиса забрала несколько платьев, бельё, обувь, косметичку и папку с документами. Значит, собиралась не в те несколько минут, пока ждала меня, а заранее.

Возможно, ещё до того, как поехала в ту гостиницу.

Я вспоминаю её вопрос о брачном договоре. Тогда он показался нелепым, почти истеричным: женщина видит мужа рядом с другой и немедленно интересуется стоимостью компании. Теперь всё выглядит иначе. Алисе не взбрело в голову уйти сегодня. Это решение, очевидно, было уже готово. Сегодня она лишь получила повод перестать откладывать.

В нижнем ящике её стола лежат медицинские документы.

Я знаю, потому что однажды искал там загранпаспорт и наткнулся на папку с названием клиники. Рыться в чужих бумагах мне не хочется, однако ещё меньше хочется оставаться единственным человеком, который ничего не знает о собственном браке.

В папке анализы, результаты обследований, назначения и несколько счетов. Большинство дат мне знакомы: в клинику мы ездили вместе, хотя Алиса и сказала, что я появлялся только тогда, когда секретарь находила окно. Но вот на последних листах стоят даты, которых я не помню. Консультация репродуктолога восемь месяцев назад, повторный приём через две недели, ещё один анализ весной.

Без меня.

Между документами лежит сложенный лист с перечнем необходимых обследований для обоих супругов. Моя фамилия подчёркнута ручкой, рядом записано: «Снова отказался. Вернуться к вопросу осенью».

А я прекрасно помню, что не отказывался. Алиса спросила, могу ли я сдать какие-то анализы, а у меня начиналась сделка, от которой зависел новый раунд инвестиций. Вот поэтому я всего лишь предложил перенести на осень. Разве это отказ?

Очевидно, для неё это звучало иначе.

Мы заговорили о детях через год после свадьбы. Алиса хотела сразу, я убедил её подождать, пока компания выйдет на стабильную прибыль. Потом понадобилось купить квар-

тиру побольше, закончить ремонт, пережить очередной кризис, закрыть сделку и съездить в отпуск без ноутбука. Последнее так и не получилось, зато причины откладывать постепенно стали настолько привычными, что уже не требовали объяснений.

Я не говорил Алисе, что, возможно, вообще не хочу детей. Даже самому себе формулировал осторожнее: пока не время, я не готов, нужно немного подождать.

Мой отец тоже никогда не говорил, что не хотел сына.

Он вообще не произносил неприятных слов. Исправно платил по всем моим счетам, покупал подарки, стоимость которых увеличивалась вместе с его должностью. На мои соревнования он не приходил, в школе появлялся только для фотографии, а на выпускной опоздал на три часа, потому что нельзя закончить раньше времени важное совещание. Мать оправдывала его занятостью, словно существовала работа, которая запрещала человеку знать, чем живёт его ребёнок, а когда ее не стало, я сам находил оправдания. Правда, недолго.

Когда мне было тринадцать, отец обещал взять меня с собой на Байкал. Я две недели ходил по магазинам, выбирал рюкзак и читал про маршруты. За день до вылета он сообщил, что планы изменились и что со мной поедет его помощник. Я ответил, что никуда не поеду без него, после чего отец пожал плечами и сказал:

— Дело твоё. Я хотя бы попытался.

Эту фразу он повторял потом много раз. Я хотя бы попытался.

Удобные слова человека, который всю жизнь считает намерение полноценной заменой поступку.

Я всегда боялся стать таким отцом. Не жестоким, не бедным, не пьющим, а внешне безупречным мужчиной, которому просто нет дела до собственного ребёнка. Можно нанять лучшую няню, оплатить школу, обеспечить будущее и при этом однажды обнаружить, что сын смотрит на тебя как на дальнего родственника, который почему-то знает код от входной двери.

Алисе я об этом не рассказывал. Гораздо проще было ссылаться на работу, чем признаться жене: я не уверен, что способен полюбить нашего ребёнка так, как она от меня ждёт.

Возможно, она решила бы, что это лечится разговорами, психологами и доверием. Возможно, ушла бы пять лет назад.

Я возвращаю документы на место и спускаюсь в кабинет. Сообщение Алисе всё ещё не отправлено. Я удаляю прежний текст и пишу новый:

«Напиши, когда доберёшься».

Ответ приходит через несколько минут.

«Добралась».

Больше ничего.

Я набираю: «Нам нужно поговорить о ребёнке», но стираю. После пяти лет отсрочек эта фраза выглядит не признанием, а очередным способом вернуть женщину в тот кон-

текст, где мне было бы удобно.

В воскресенье Алиса не звонит. Я провожу день в офисе, хотя никаких срочных дел нет, и к вечеру просматриваю очередной договор уже третий раз, не запоминая содержания. Марины тоже нет. Обычно она появляется даже в выходной, если знает, что я работаю, но сегодня присылает только два письма и на моё короткое «Нужно обсудить фонд» отвечает, что всё подготовит к понедельнику.

Утром же она входит в кабинет с папкой и таким лицом, будто нашего субботнего разговора не было.

— Инвесторы подтвердили встречу на двенадцать. Юристы прислали новую редакцию, но там снова ограничение по продаже доли. Словно это поможет.

— Убери.

— Уже.

Марина кладёт документы на стол и собирается выйти. Я поднимаю ладонь.

— Подожди.

Она останавливается.

— Я не должен был звонить тебе в субботу.

— Не должен был.

И смотрит на меня ровно, будто это ещё один вопрос из тех, что можно принести в папке.

— И говорить то, что сказал.

— Не должен был, – снова подтверждает она.

— Ты можешь хотя бы немного помочь мне с извинением?

— Могу составить письменный вариант и согласовать с юристами. Устные формулировки у тебя обычно создают дополнительные риски.

Мне уже хочется улыбнуться, но Марина остаётся серьёзной.

— Я знаю, что ты меня любишь, — говорю я.

— Поздравляю. Обычно на понимание очевидного у тебя уходит лет десять, а здесь ты справился немного раньше.

— Почему ты никогда ничего не говорила?

— Ты ведь и это уже знаешь. Потому что не хотела услышать ответ.

— Я бы не стал так уж...

— Именно это ты сейчас и делаешь, Рома. Говоришь правду женщине, которая её не просила.

Марина выходит, оставив дверь открытой. Я смотрю ей вслед и впервые думаю, что вообще-то обе они обвиняют меня в одном и том же, хотя наверняка никогда не обсуждали господина Кайгородова между собой. Я позволял Марине ждать годами, потому что её ожидание ничего от меня не требовало. Позволял Алисе надеяться на ребёнка месяц за месяцем, потому что её надежда сохраняла наш брак.

Разница только в том, что Марина заранее согласилась ничего не получить. Ей хватало самого ожидания.

Алиса, похоже, на такое больше не согласна.

Глава 6

Вероника

В понедельник мама звонит мне в семь сорок утра и сообщает, что отец собрался умирать.

— Почему сегодня? — спрашиваю я, прижимая телефон плечом и пытаюсь застегнуть платье, которое ещё в пятницу сидело на мне свободнее.

— Он со вчерашнего вечера ничего не ел.

В нашей семье голодание продолжительностью двенадцать часов всегда считалось состоянием, несовместимым с жизнью. Отец мог спокойно пережить грипп, удаление зуба и даже падение с лестницы, когда решил без посторонней помощи перевесить люстру, но отсутствие завтрака превращало его в человека, которому срочно требовались нотариус, священник и благодарные потомки у смертного одра.

— А почему он не ел?

— Анализы сдаёт. Я ему сказала, что кровь нужно сдавать натощак.

— Тогда почему он умирает? — все еще не понимаю я.

— Потому что запись на одиннадцать двадцать.

На заднем плане раздаётся голос отца:

— К одиннадцати двадцати они могут уже ничего не найти!

— Папа, у тебя запасы крови не на один раз, — кричу я.

— До поликлиники доедешь.

— Легко тебе говорить! Ты вчера ужинала!

Мама так тяжело вздыхает, словно отец достался ей не по любви, а по решению суда, обжаловать которое она по молодости не догадалась.

— Я ему говорила, что надо было записываться на восемь. Но твой отец заявил, что в восемь утра нормальные люди ещё спят.

Я пообещала позвонить отцу в одиннадцать двадцать одну и поехала в офис.

Мои родители прожили вместе тридцать шесть лет и за это время достигли редкой супружеской гармонии: мама ежедневно спасала отца от смерти, а он ежедневно доказывал, что именно её забота когда-нибудь его и доконает. При этом стоило кому-нибудь постороннему согласиться с одним из них, как второй немедленно вставал на защиту. Однажды участковый терапевт сказал, что папа действительно драматизирует симптомы, и мама два года ходила в другую поликлинику из принципа. Семья вообще удивительный организм: можно сколько угодно мечтать придушить человека подушкой, но окружающим запрещается даже смотреть в сторону этой подушки.

Возможно, именно поэтому я стала семейным адвокатом. К девяти я добираюсь до бюро и нахожу свою Кристину возле кофемашины.

Кристина мой секретарь уже четвёртый год и относится к технике строже, чем я к бывшим мужьям своих клиенток. Вот и сейчас она стоит и смотрит на бедную кофемашину

так, будто та ей должна выдать шампанское с клубникой, а не капучино.

— Доброе утро, Вероника Львовна. У вас сегодня две консультации, заседание по видеосвязи и созвон с оценщиком, — говорит она, протягивая мне чашку с кофе. — А в одиннадцатую записалась Алиса Кайгородова. Сказала, что вы дали ей визитку в субботу.

Я не сразу понимаю, кто это. Такую фамилию я точно слышу впервые.

— Ей тридцать два года, детей нет, вопрос о расторжении брака и разделе имущества. Вы её не знаете?

Наконец, я вспоминаю Алису из лифта. Визитку, конечно, я ей дала — но порой люди приходят только через месяц. Или вообще не приходят, и не потому, что нашли другого юриста.

— Да, знаю.

— Отлично, — Кристина подставляет пустую чашку и нажимает на кнопку, а я прохожу в кабинет. До встречи остается почти два часа, но фамилия Кайгородова уже не дает мне покоя.

Первой женщиной, которой я попыталась открыть глаза на мужа, была моя подруга Ляля. Я увидела Лялиного мужа Вадика в кафе с рыжей девушкой. Девушка сидела у него на коленях, Вадик при этом вполне недвусмысленно держал её за талию, и даже моих тогдашних юридических знаний хватило, чтобы исключить деловой характер встречи.

Я позвонила подруге, и она примчалась через двадцать

минут, ворвалась в кафе и устроила скандал, но ещё через четверть часа они с Вадиком уехали домой.

На следующий день Ляля позвонила и сказала, что я неправильно всё поняла, у Вадика с этой девицей чисто рабочие отношения, а вот моя подозрительность чуть не разрушила их прекрасный брак.

После Ляли я усвоила важное правило: нельзя вытаскивать женщину из брака, пока она сама держится обеими руками за дверной косяк. Можно показать документы, объяснить последствия, подготовить иск и отсудить квартиру, но нельзя заставить человека увидеть то, чего он видеть не хочет.

Ровно в одиннадцать Кристина открывает дверь кабинета и представляет посетительницу.

— Алиса Кайгородова.

Вошедшую женщину я узнаю не сразу. В субботу она выглядела милой и растерянной, будто только что увидела единорога, который с деловым видом курил и ел шаурму, сегодня же Алиса собрана и серьезна, как пантера перед прыжком. Пару секунд на приветствие, и девушка присаживается напротив и кладет папку на стол.

— Мы поговорили с мужем. Я сказала, что собираюсь подать на развод. Поэтому давайте готовить документы.

Решительность похвальная, но мне бы нужно перед тем, как действовать, кое-что понять.

— Как он отреагировал?

— Сначала решил, что я устраиваю сцену из-за его любовницы. Потом, правда, понял, что театра не будет.

— Он знает, что вы пришли ко мне?

— Нет, – немного задумчиво говорит она. – Он спросил, нашла ли я адвоката, но я не ответила.

Я медленно киваю.

— Правильно сделали.

— Я не хотела, чтобы он успел подготовиться раньше меня.

Вот теперь я увидела женщину из лифта. Не её слёзы и взгляд, а её саму, ту, которая между седьмым и первым этажами сумела задать правильные вопросы о брачном договоре, стоимости компании и совместном имуществе. Слёзы иногда мешают рассмотреть человека, особенно если он сам привык прятаться за ними от собственной решительности.

— Алиса, прежде чем мы начнём, я должна понять главное. Вы хотите развестись или хотите, чтобы муж испугался и вернулся?

Ответ звучит без паузы.

— Развестись.

— А если каким-то чудом выяснится, что у него нет любовницы и он вам не изменял? - все же решила я уточнить детали.

Она молчит, но я сразу замечаю, что она не сомневается в своем решении, скорее, подбирает слова, которые не унижат её саму.

— Если между ними ничего нет, значит, я ошиблась только в этой любовнице. Не в нашем браке.

Кажется, тут есть какая-то история, и я готовлюсь слушать. Впрочем, без моих вопросов она здесь явно не прозвучит.

— Когда вы впервые подумали о разводе? И почему не ушли тогда?

— Рома тогда потерял крупнейшего клиента. В компании начались проблемы, он почти не спал. Мне казалось, если я заговорю о разводе в тот момент, это будет предательством. Ну, знаете, не по-человечески как-то.

— Потом проблемы закончились?

— У компании — да, - Алиса слабо улыбается. — А у меня появился следующий повод его пожалеть.

Я откидываюсь на спинку кресла. Вот это уже гораздо ближе к правде. Браки редко рушатся в тот день, когда один супруг видит другого с подозрительной страстью. Обычно они годами осыпаются изнутри, но стоит лишь принести перфоратор, как у человека появляются силы, наконец, перестать подставлять ладони под обломки.

— Хорошо. Теперь о неприятном. Его компания зарегистрирована до брака?

— За восемь месяцев до брака, — отвечает Алиса.

— Тогда половину компании вам никто автоматически не отдаст.

Алиса даже не моргает.

— Я и не рассчитываю, что вы сейчас достанете из шкафа половину Романа и вручите её мне.

— Уже легче. Некоторые действительно просят половину мужа, причём желательно ту, где находится банковское приложение.

Она открывает папку и подвигает ко мне. Я начинаю ее перелистывать: выписки по счетам, документы на две квартиры, загородный дом, автомобили, сведения о нескольких юридических лицах и таблица, в которой по годам были записаны крупные приобретения семьи.

— Вы это подготовили за выходные?

— Таблицу — да. Документы собирала давно.

Я аккуратно поднимаю бровь.

— Зачем?

— Сначала хотела понять, насколько мы богаты. Потом — насколько я от него завишу.

— И насколько?

— Сильнее, чем мне нравится. Но меньше, чем думает сам Рома.

Дело становилось всё интереснее. Алиса, как видно, не собирается вырывать у мужа бизнес из мести. Она готовилась выйти из брака, в котором слишком долго жила на правах человека, чьё благополучие зависело от волн чужого настроения. Такие клиентки опаснее истеричных. Истеричная женщина хочет наказать мужа немедленно, но зато к вечеру выдыхается. Спокойная однажды открывает папку, а там, ока-

зывается, одна к одной лежат банковские выписки за пять лет.

— У вас есть собственный доход?

— Нет. Раньше я работала, но потом... — девушка замолкает и хмурится: — Есть такая знаменитая семейная традиция: сначала женщине запрещают иметь какую-либо жизнь без мужа, потом муж перестаёт появляться дома.

Алиса впервые смеется. Негромко и не по-настоящему, но я понимаю, что всё это время ей не столько хотелось плакать, сколько было стыдно за собственное терпение.

Мы почти час разбираем имущество, счета и структуру компаний. Я сразу предупреждаю, что не стану обещать ей половину состояния только для того, чтобы получить громкое дело. Нужно выяснить, какие активы приобретались в браке, были ли дополнительные вложения в основной бизнес, выплачивались ли дивиденды, куда уходили деньги и, что важно, не появились ли за последние годы компании, о которых жена ничего не знает.

— А если появились? — спрашивает Алиса.

— Тогда у нас будет значительно больше работы и значительно меньше причин верить вашему мужу на слово.

— Вы считаете, он мог что-то спрятать?

— Я считаю, что обеспеченные люди редко называют спрятанным то, что оформлено на правильного знакомого. Для них это обычно «структурирование активов». Что удивительно, чаще всего они даже сами в это верят.

— У Романа много правильных знакомых, — кивает Алиса.

— Значит, начнём с них.

Она подписывает соглашение о нашем сотрудничестве, оставляет копии документов и уже возле двери спрашивает:

— Вы ему напишете?

— Нет, — я успокаиваю ее. — Сначала я должна понять, что именно спрашивать. Если предупредить человека слишком рано, он начинает вспоминать, где лежат деньги, с удивительной скоростью.

— А мне что делать?

— Ничего не подписывать, не угрожать, не обсуждать с ним имущество и не пытаться проникнуть в его рабочую почту. Ведите себя спокойно.

— Роман, кстати, считает, что спокойствие — моя главная слабость.

— И очень хорошо. Не разочаровывайте его раньше времени.

Когда Алиса уходит, я ещё несколько минут смотрю на закрытую дверь. Потом возвращаюсь к столу и внимательно читаю таблицу. В ней слишком много точных дат для женщины, которая якобы решила разводиться два дня назад, и слишком мало сведений за последний год.

Глава 7

Вероника

Октябрь за окном ведёт себя как большинство моих дове-

рителей: с утра обещает просветление, к обеду разражается скандалом. Я стою в пробке под дождём, когда звонит мама.

— Верочка, у папы беда. Пришли анализы.

— Что-то нашли? – взволнованно спрашиваю я.

— В том-то и дело, что ничего. Всё идеальное, как у космонавта.

Я поднимаю бровь, прекрасно зная, что изменений в моём тоне она не услышит.

— И в чём беда?

— Он не верит. Заявил, что в его возрасте таких анализов не бывает, значит, в лаборатории перепутали пробирки, и теперь он требует всё пересдать и грозитя дойти до главврача.

На заднем плане слышится голос отца, который сообщает, что чужое хорошее здоровье ему не нужно, он всю жизнь прожил со своим давлением и намерен продолжать.

— Мам, скажи ему, что забирать чужие анализы — это неосновательное обогащение. Статья тысяча сто вторая Гражданского кодекса.

— Вот сама и скажи, ты юрист.

Я обещаю позвонить вечером и въезжаю на парковку с ощущением, что моя семья — единственная на свете, где идеальное здоровье считается поводом для судебного разбирательства.

В офисе Кристина докладывает, что Алиса Кайгородова записалась на одиннадцать, причём звонила дважды и оба раза уточняла, не отменится ли встреча. Люди, которые бо-

ятся отмены встречи, обычно приходят либо забрать доверенность, либо потребовать невозможного. Забирать у меня пока нечего.

Алиса входит ровно в одиннадцать и кладёт передо мной распечатку вчерашней статьи из делового издания. Заголовок сообщает, что международный фонд готов заплатить четыреста миллионов долларов за тридцать процентов «Прайсматики».

— В понедельник я ещё не знала цену сделки, — произносит Алиса, усаживаясь напротив. — Теперь знаю, и мне нужна половина компании.

— Мы обсуждали это в понедельник. Компания зарегистрирована за восемь месяцев до заключения вашего брака и разделу не подлежит.

— Знаете, сколько она стоила при регистрации? Десять тысяч рублей. Уставной капитал — десять тысяч рублей. Я проверила по реестру, это открытые данные.

— Допустим, — киваю я, решая не вступать пока в спор о самой сути уставного капитала при регистрации.

— А теперь вот этот фонд покупает тридцать процентов за четыреста миллионов долларов. Значит, доля моего мужа стоит семьдесят миллиардов рублей. Он познакомился со мной, когда у него было десять тысяч и кредит на ноутбуки. Миллиардером он стал в браке. Со мной. И вы хотите сказать, что все эти миллиарды — его личное имущество, потому что бумажку в налоговую отнесли на восемь месяцев

раньше загса?

Произнести вслух «да, именно это я и хочу сказать» у меня не поворачивается язык, потому что по существу Алиса права.

А по закону права я.

— Юридически рост стоимости личного актива не делает его совместным.

— Только юридически, – она подаётся вперёд. — А по-человечески? Я пять лет держала его тыл. Я переносила зачатие ребёнка с квартала на квартал, как совещание.

Тут она опускает взгляд, словно ей нужно собраться с силами, но на это уходит лишь пара секунд и она продолжает:

— Я молчала, когда он забыл про мой день рождения, потому что у него был раунд инвестиций. Я не мешала. Вы знаете, сколько стоит пять лет не мешать? А он в благодарность завёл женщину – и теперь оставит меня с квартирой и наилучшими пожеланиями. Вы обещали раздеть его до носков. Это, кстати, были ваши слова, не мои.

Она даже стучит ноготком по листу, смотрит решительно.

Год назад я сказала бы ей, что эмоции к делу не подшиваются. Но год назад у меня были муж, три подруги и вера в то, что порядочные мужчины существуют хоть где-то, кроме книжек. Теперь у меня в активе кошка, «Порше» и профессиональное знание о том, чем заканчивается женское «не мешать». Ненавидеть чужого мужа я не имею права — так, кажется, написано в кодексе адвокатской этики. А вот про

«очень хочется посмотреть, как он объяснит суду свои миллиарды» там ничего не написано.

— Я не обещаю вам половину, — предупреждаю я. — Шансы небольшие, расходы серьёзные, и ваш Кайгородов наймёт сильных людей. Но я изучу корпоративную историю компании. Если за пять лет брака туда хоть раз зашли семейные деньги, у нас появится основа для разговора.

Алиса уходит, а я отменяю вечерний спорт, заказываю срочную выписку из реестра и снова достаю те банковские документы, которые она принесла в понедельник. По отдельности они почти ничего не доказывают, зато вместе начинают разговаривать гораздо охотнее некоторых супругов.

К десяти вечера передо мной лежит шестилетняя биография «Прайсматики»: смена участников, увеличение уставного капитала и два платежа со счёта Романа, на который в браке поступали дивиденды. И тут обнаруживается прекрасное.

Через два года после свадьбы из бизнеса выходил третий сооснователь, и его долю выкупил Роман — лично, за живые деньги, происхождение которых, очевидно, имеет вполне семейную природу. Ещё через год уставной капитал увеличивали под второй раунд, и Роман снова вносил средства. Он укрупнял личный актив общими деньгами пять лет подряд, а статья тридцать седьмая Семейного кодекса относится к таким операциям с нежностью прокурора. Плюс обеспечительные меры: если суд наложит арест на долю до окончания

спора, сделка с фондом встанет, как мой отец в очереди на пересдачу анализов. То есть — не сдвинешь.

Шанс забрать половину — процентов пятнадцать. Шанс испортить Кайгородову как минимум год жизни — практически абсолютный, а для начала переговоров и этого вполне достаточно.

Раньше я позвонила бы Ляле похвастаться. Или Соне. Или Кате. Теперь я наливаю кофе и хвастаюсь кофемашине — она единственная в этом здании ни разу меня не предала, если не считать вторника, когда закончились зёрна.

Утром я набираю номер, который Алиса записала мне на стикере.

— Кайгородов, — отвечает голос, у которого явно параллельно идут ещё два совещания.

— Роман Ильич, меня зовут Вероника Львовна, я представляю интересы вашей супруги. На этой неделе мы подаём иск о расторжении брака и разделе имущества. В требования войдёт часть пакета «Прайсматерики», приобретённая вами в браке, а также средства, за счёт которых увеличивался ваш личный актив.

Сначала в трубке становится тихо, а потом он смеётся. Не нервно и не зло — с искренним удовольствием человека, которому среди скучного четверга рассказали приличный анекдот.

— Простите, — извиняется он, отсмеявшись. — Вероника Львовна, вы в курсе, что компания создана до брака? Или

Алиса забыла упомянуть эту деталь?

— Ваша супруга помнит эту деталь наизусть. Уставной капитал десять тысяч рублей, август, за восемь месяцев до свадьбы.

— Тогда я не понимаю, что мы обсуждаем.

— Тогда я вам подскажу: мы обсуждаем выкуп доли Севастьянова через два года после свадьбы. Увеличение уставного капитала под второй раунд. Личные средства, внесённые в период брака, — а личных средств в период брака, Роман Ильич, не существует, есть общие. Статья тридцать седьмая Семейного кодекса. Ну и обеспечительные меры, конечно.

— Какие ещё меры?

— Обеспечительные меры в отношении спорной части пакета. Фонд покупает долю у вас, а суды не любят, когда предмет будущего спора продают раньше, чем они успевают открыть дело. Стандартная просьба при риске отчуждения актива. А у вас ведь риск отчуждения — вы продаёте тридцать процентов фонду. Я читаю деловую прессу.

Теперь тихо становится уже надолго. Смешков не слышно, зато я улавливаю, как на его стороне закрывается дверь и заканчиваются оба параллельных совещания.

— Вы понимаете, что арест сорвёт сделку, которую мы готовили два года?

— Понимаю. Поэтому и позвонила до подачи иска. Добровольное раскрытие активов и переговоры о разделе — или суд со всеми остановками. Выбор за вами, у вас три дня.

— Знаете, — задумчиво отзывается он, — в субботу я потерял жену и очень расстроился. Кажется, я начинаю догадываться, что тогда расстраиваться не надо было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.